

Мой католический ангел

К годовщине смерти Ирины Алексеевны Иловайской-Альберти

Дмитрий Бальбуров

У каждого журналиста бывают встречи с интересными, замечательными, удивительными людьми — такова приятная особенность профессии. Но люди, способные вызвать сильные эмоциональные всплески, скорректировать или вообще изменить мироощущение и нравственные основы, встречаются редко. Мне повезло, и для меня таким человеком стала Ирина Иловайская.

В пору нашего знакомства я был студентом четвертого курса МГУ, а она основала христианскую радиостанцию в стенах нашего факультета журналистики и попутно подыскивала молодых сотрудников. Находясь в счастливом возрасте неиспровергателя былых авторитетов и старого порядка вещей, я не слишком интересовался личностью этой пожилой женщины с аристократическими манерами и голосом. Да я и не понимал, что, вероятнее всего, так говорили, улыбались, жестикулировали *grande dames* ушедшей России незнакомок и легкого дыхания, той, которая сохранилась в изгнании, несмотря на все потрясения XX века. Невдомек мне было, что глазами Ирины Алексеевны на меня смотрит кто-то более важный, чем идейный вдохновитель и спонсор радиостанции и Центра христианской печати и информации св. апостола Павла на третьем этаже факультета.

Ирина Алексеевна Иловайская-Альберти

ИЕРАРХИ И АДЕПТЫ

Сразу скажу: мне все равно, что говорили и писали о главном редакторе парижской газеты «Русская мысль» иерархи и адепты РПЦ. Даже духовные лица в земной ипостаси могут ошибаться. Не судите, да не судимы будете. Обвинения звучали серьезные — ересь, идеологическая диверсия в пользу латинской веры, дискредитация православия, пропаганда чуждых русскому народу ценностей. Тогдашний Патриарх Московский и Всея Руси Алексей II считал деятельность Иловайской антицерковной и утверждал: «Явно прослеживается главная цель — внедрение в сознание людей недоверия к церковной иерархии, отторжение от нее как можно большего числа людей... Они пытаются прикрывать это призывами к обновлению Церкви, к очищению ее от не-

достатков...» Жаль, что «недоверие к церковной иерархии» в последние годы лишь усиливается, и не только из-за пресловутых «часов патриарха». Хотя Ирина Алексеевна ушла из земной жизни еще 4 апреля 2000 года.

Это отношение сверху. А вот снизу, в виде «Обращения московского духовенства» к Алексею II: «Составители передач этого радиоканала постоянно заявляют, что радиопрограммы составляются православными и католиками с целью лучшего ознакомления с вероучением и жизнью обеих Церквей-«сестер». Однако в целом передачи носят католический характер: сообщаются последние новости из Ватикана, рассказывается о католических праздниках и святых, делаются обзоры папских энциклик». Забегая вперед, уточню: в парижском экуменическом центре св.

Благословение
Иоанна Павла II

Геоργия, где я жил два года подряд, монахи иезуитского ордена точно так же рассказывали пастве о православных праздниках и святых, составляли обзоры патриарших окружных посланий и даже служили литургии.

Хотя Ирина Алексеевна говорила со мной на религиозную тему единственный раз, незадолго до своей кончины, выводы я сделал постфактум, став взрослее. Всей биографией она иллюстрировала экуменизм – то, к чему стремилась и ради чего жила. Родилась в семье белых эмигрантов в тогдашнем Королевстве сербов, хорватов и словенцев, была духовной дочерью знаменитого православного философа и богослова Геоργия Флоровского. Вышла замуж за итальянского аристократа Эдгардо Джорджи-Альберти, приняла католицизм, крестила по римскому обряду обоих детей. Этот житейский факт твердые сторонники догматов РПЦ интерпретировали не иначе, как вероотступничество.

Ересью они же воспринимали любые позитивные упоминания о папском престоле, что усугублялось личным знакомством Иловайской с Иоанном Павлом II. Список грехов, с которым ее ждали на исповеди, весьма обширен.

Работа секретарем Солженицына в 1970-е. Организация вещания на СССР из Парижа экуменической радиостанции «Благовест» в конце 1980-х. Раскаяние перед Польшей в день 75-летия Иоанна Павла II: «В этот день, ознаменованный печатью милосердия Божия и благодати Его, я хочу как русская просить у моих польских братьев прощения». Сотрудничество с католическим «Фондом помощи церкви в беде». Редактирование «Русской мысли», привлечение таких авторов, как православные экуменисты и модернисты Геоργий Кочетков, Дмитрий Багин, Андрей Крекшин, Александр Борисов, Александр Свиридов. Работа аудитором «Европейского синода» по назначению Папы Римского.

В свою очередь, известный деятель эмигрантских кругов и переводчик Мандельштама Никита Струве считал Иловайскую сотрудником ЦРУ. Другие бдительные русские парижане (например, диссидент Александр Гинзбург), наоборот, подозревали ее в чрезмерно лояльном отношении к людям, предположительно и вероятно работающим на КГБ. Сменившая Иловайскую на посту главного редактора «Русской мысли» Ирина Кривова говорила об одном из авторов газеты Александре Свиридове: «Мы были парализованы тем, что отец Иоанн пользовался особым доверием Ирины Алексеевны, но мы не скрывали от нее сомнений в его деловых и человеческих качествах. Мы протестовали против материалов, которые он публиковал на религиозных страницах».

Взаимоисключающие обвинения для меня говорят об одном: Ирина Иловайская-Альберти была выдающимся человеком.

ДИССИДЕНТЫ

Почему из всей группы в 20-25 четверокурсников, пришедших пробовать на сотрудничество с радиостанцией (каникулы в Париже не артикулировались, но подразумевались), она выбрала именно меня – могу только предполагать. В тот момент я стал стажером еженедельника «Московские новости» в отделе межнациональных отношений и политики. В Чечне разгоралась полномасштабная война, и я, имея опыт стрингерских поездок в зоны вооруженных конфликтов в Нагорном Карабахе и Таджикистане, постепенно стал основным летописцем и наблюдателем газеты и ее миллионной в тот период аудитории. В группе я оказался один такой, хотя на курсе нас было несколько.

Ирина Алексеевна беседовала со студентами вместе с Александром, или попросту Аликом Гинзбургом. Узнав, чем я занимаюсь в свободное от учебы время, а журфак при Ясене Засурском славился либеральными порядками в посещениях, он с любопытством взглянул на меня, потом что-то сказал Иловайской, а она кивнула. Конечно, я не знал и того, что передо мной первый (нелегальный) издатель Иосифа Бродского, соучредитель Московской Хельсинкской группы, «зэк в третьем поколении», обмененный в США на двух советских шпионов. Я видел щуплого, пожилого, небрежно одетого дядьку в сильных очках и со следами былых возлияний.

Россия скатывалась во тьму первой чеченской войны, а я стал штатным корреспондентом «МН». На Северный Кавказ начальство отправляло меня уже с уверенностью, что получит приличный репортаж и множество сопутствующей информации. Мобильная связь только зарождалась, до наступления эры интернета оставались годы, поэтому каждый энергичный и сообразительный репортер на месте событий ценился на вес золота. Друзья, занимавшиеся стрингерством, зарабатывали огромные деньги в твердой валюте, продавая видеоматериалы западным телекомпаниям, а я утверждался в авторитетной в тот период газете. В течение учебного года написал для «Русской мысли» несколько материалов по сопутствующей фактуре, которая не вошла в репортажи в «Московских новостях». Ирина Алексеевна благодарила меня в своей неизменной манере — сдержанно и благородно. И подкрепляла благодарность долларовыми гонорарами, периодически приезжая из Парижа.

Я стал следить за ее газетой, искать в киосках или брать в Центре христианской информации и печати. Меня ожидал конфуз: тексты принимались регулярно, деньги платились немалые, но никаких публикаций не было. Удивление, неловкость, стыд, выдумывание нелепых объяснений – все это я ощущал в первый год сотрудничества с «РМ». Собравшись с духом, спросил в ее очередной приезд в Москву: «Почему вы не печатаете меня? А как же...» Ирина Алексеевна посмотрела на меня с легкой улыбкой: «Не беспокойтесь, вы честно заработали свои гонорары, поскольку у вас интересная информация, и я ее использую в других материалах». Ответ до конца не удовлетворил, но морально стало легче.

Сейчас я думаю, что причина была другая. Ведь кого в эмигрантской среде — читателей парижской русскоязычной газеты, могли интересовать частные истории боевиков и мирных жителей Чечни? Какое им дело до различных случаев героизма, низости, самоотверженности, предательства, несчастий или чудесных спасений – всего того, что в изобилии случается на войне, и о чем я писал в «РМ»? Скорее всего, Ирина Алексеевна просто покровительствовала мне — в том самом духе России кавалергардов и «Гаудеамуса». Не опека, которая зачастую бывает эгоистичной, не материнский инстинкт, что заложен природой, а именно осознанное, бескорыстное покровительство по-христиански. Говорить с ней о Боге время еще не пришло.

Обложка книги Ирины Иловайской-Альберти

А после третьего курса она пригласила меня на стажировку в Париж.

Первая поездка за границу, и сразу в столицу мира! Я бродил с книжками Эрнеста Хемингуэя «Праздник, который всегда с тобой» и Робера Сабатье «Шведские спички», заглядывал в кафе «Ротонда» и искал улочку Лаба, неподалеку от бульвара Рошешуар. Поднимался на Эйфелеву башню, катался на теплоходике по Сене, разглядывал улыбку Лизы Джокондо на картине Леонардо в Лувре и гроб Наполеона Бонапарта во Дворце инвалидов, перекусывал арабской шавармой в Латинском квартале, болел за «Пари Сен-Жермен» на легендарном, еще не снесенном стадионе «Парк де Пренс». Ирина Алексеевна обеспечила меня комнатой в иезуитском центре св. Георгия и карманными деньгами, а в конце стажировки выплатила 5 тысяч франков. То есть тысячу долларов, что в реалиях 1995 года было огромной суммой.

Тогда же я присмотрелся к внутренней жизни редакции «Русской мысли», располагавшейся на фешенебельной улице Фобур Сент-Оноре с дорогими ювелирными магазинами, рядом с площадью Звезды и Триумфальной аркой. Фронт работ и должности сотрудников были мне непонятны. Выше я приводил цитату Ирины Кривовой. На самом деле, сомнения в деловых и человеческих качествах возникали в отношении нее, да и многих других работников. С утра до вечера работали только Ирина Алексеевна и еще пара корректоров, да и те — лишь пе-

С православным священником Георгием Чистяковым

Ирина Иловайская была сторонником
экуменизма

ред выпуском. В день выхода очередного номера и еще день спустя редакция пустела. Ирина Алексеевна была вынуждена сама планировать номер, работать с авторами, редактировать множество текстов, писать свои материалы, придумывать темы и их подачу, еще и выезжала на издательские и представительские мероприятия. Что делали заместители главреда Кривова и ее муж Андрей, большинство других сотрудников, мне так и не открылось за два продолжительных пребывания в газете в 1995-м и 1996-м годах.

Обычный редакционный шум возникал в двух случаях – накануне выпуска и в обеденный перерыв. В первом случае этот шум во многом казался искусственным: поспорили корректоры из-за запятой, закатывают глаза, хватаются за сердце. Во втором случае сотрудники набивались в кухню-столовую, ели принесенное с собой или купленное за счет издателя, шутили, веселились. Заходил Алик Гинзбург, зачастую с запахом алкоголя – он сидел в отдельном кабинете с Андреем Кривовым. Моей скромной персоной больше не интересовался. Возможно, вот почему.

В парижских эмигрантских кругах (не тех дворянских, откуда происходила Ирина Алексеевна, а диссидентско-экономических) бонтоном признаком считалось видеть везде агентов КГБ / ФСБ, подозревать происки и провокации Москвы. Все по Довлатову: «Явишься, займешь пятерку – вовремя несешь обратно. Странно, думаю, не иначе как подослали». В книге советского диссидента Сергея Григорьянца «Гласность и свобода. Воспоминание о событиях 1987–2004 года» есть глава «Конец «Русской мысли», а в ней характерный эпизод.

Дело в том, что я появился в «РМ» в начальный пе-

риод острого финансового кризиса, в том числе по объективным причинам. СССР канул в Лету, границы открылись, газета потеряла практически монопольное положение голоса свободной России и поддержку многих международных фондов. Возможно, положение спасли бы радикальный перезапуск и ребрендинг, встраивание в систему русскоязычных медиа, переход на рыночные принципы, поиск нового читателя. И очевидно, что Ирина Алексеевна со своими четкими моральными принципами и сформированным христианским мировоззрением не могла броситься в пучину коммерческих СМИ. Она сделала все, чтобы спасти газету в рамках своего понимания миссии свободной журналистики.

Отдала средства газеты в трастовое управление собственному зятю Аринголи, до той поры успешному девелоперу, а он совершил ряд ошибок, и деньги были потеряны. Еще она привлекла спонсора – владельца кипрского оффшора Клода Милана. Григорьянец пишет, что уволенный за профнепригодность Алик Гинзбург обвинял Милана в работе на КГБ / ФСБ. «...Алик тут же сделал вывод, что зависимость Ирины Алексеевны от

Московской патриархии возрастает, а патриархия – это КГБ, и Ирина Алексеевна превратила «Русскую мысль» в орган КГБ, и только поэтому Алик и Арина (его супруга – Д.Б.), которые этому сопротивлялись, были уволены. Но я знал, что для увольнения Алика и Арины были другие причины, вполне финансовые и рабочие...» Возмущенный Гинзбург подавал в суд, устраивал пикеты под окнами редакции, писал оскорбительные письма, перетаскивал на свою сторону диссидентов типа Сергея Ковалева и Ларисы Богораз, в результате чего в московских газетах стали появляться статьи против «синьоры Альберти». Так что не исключаю, что Гинзбург и меня мог поздравлять в работе на КГБ.

Причина столь вопиющей неблагодарности (Иловой-ская вытаскала Гинзбурга из пьяного болота в Вашингтоне, помогла с дорогостоящей операцией в Париже, платила незаслуженно большую зарплату) и эгоизма, видимо, в возвращении Алика в объятия Бахуса. Но и отношение Ирины Алексеевны к сотрудникам сыграло свою роль.

Я слышал, как они постоянно говорят о деньгах, видел, как держатся за свои места под парижским солнцем, любят жизнь обеспеченных буржуа, воспринимают каждое новое лицо как конкурента на истончающийся круассан, пренебрежительны к нищей в те годы родине. Постоянные отлучки Ирины Алексеевны в Россию вызывали у них перешептывания, о возвращении домой не могло идти и речи. Как в старом анекдоте: хоть тушкой, хоть чучелом, но — в Париже. В этом озерце с тихими омутами лишь поверхность рябила, а что происходило на глубине, я и знать не хотел. Почему же Ирина Алексеевна содержала штат этих бездельников?

Потому же, почему покровительствовала мне. Только если в моем случае был аванс, то там – своеобразная пенсия. Гинзбург отсидел по статьям за антисоветскую деятельность восемь лет, его судьба была предметом переговоров на высшем уровне между СССР и США. Кривова уволили с работы из НИИ школ министерства просвещения РСФСР, неоднократно арестовывали, исключили из комсомола. Его жена Ирина попадала под арест уже в разгар перестройки. Почти вся редакция «РМ» состояла из таких заслуженных пострадавших от советской власти. Проблема в том, что они и сами, похоже, считали, что заработали синекуру всей своей славной биографией. А Ирина Алексеевна смогла поддержать их иллюзии не очень долго: приближался XXI век.

ИЕЗУИТЫ

До получения диплома я продолжил писать в «РМ» по заказу главного редактора. Более того, открыв мне прекрасный Париж, Ирина Алексеевна открывала и Россию, отправляя меня в командировки то в Нижний Новгород, то во Владивосток по старой схеме – статья и гонорар есть, публикаций нет. По окончании университета, осенью, я вновь оказался в городе, который стоит мессы. На этот раз Ирина Алексеевна от-

пускала меня на неделю в не менее чудесную Барселону, хотя я по-прежнему считался практикантом редакции и по идее должен был ходить в присутствие каждый день.

Общаться с ней удавалось редко, на бегу, зато я ближе узнал пожилых отцов-иезуитов, у которых жил в экуменическом центре св. Георгия. Не вдаваясь в вопросы веры, скажу: мне жаль, что само слово «иезуит» имеет в русском языке негативные коннотации. Это несправедливое восприятие их деятельности и даже клевета. Настоятелем центра был спокойный, сдержанный отец Рене Марешаль. Библиотекой заведовал добродушный, немного забавный отец Франсуа в круглых очках, часто восклицавший: «О-ля-ля!». Научной работой и деловой перепиской ведал крупный, немногословный отец Игор. В соответствии со своим именем он считался любителем вкусно поесть. Pere Igor фонетически сливается с Perigord, а жители исторической области Перигор на юго-западе страны славятся гурманством. Хотя кто во Франции не гурман? Еще один специалист по богословию – отец Андре, высокий, длинноволосый, но с большими залысинами мужчина, казался мне самым интересным.

Во-первых, он неплохо говорил по-русски (лучше, чем даже отец Рене). Во-вторых, был единственным иностранцем – австрийцем. Соответственно, я мог называть его отцом Андреасом. В-третьих, в молодости он воевал на восточном фронте в армии фельдмаршала Паулюса. Пережил ужасную мясорубку Сталинграда, умирал от голода и холода в окружении доблестных советских войск и плен воспринял как избавление. Там-то, на Урале, с ним что-то произошло. О своем приходе к Богу отец Андре не говорил, упомянул только, что это было в плену. Охотнее рассказал, как открыл для себя Достоевского.

В лагере в его руки попала затрепанная книжка «Бедные люди». Знать хоть немного русский для пленных немцев было вопросом выживания, и Андреас принялся учить язык победителей по этой печальной повести про Макара Девушкина. Удивительно, что написанное он в итоге начал понимать без чьей-либо помощи, а на слух – внимательно прислушиваясь к распоряжениям конвойных солдат. И однажды крикнул офицеру фразу Вареньки: «Ради меня, голубчик мой, не губите себя и меня не губите!» Суровый офицер НКВД поразился: «Как ты сказал? Повтори!»

Отец Андре вспоминал плен лишь однажды, когда угощал меня каким-то особо ценным вином, и мы выпили всю бутылку. Хочется верить, что советские офицеры не мстили поверженному врагу. А тот, в уральском лагере, услышав от тощего оборванного немца слова Федора Михайловича, выделил его из общей массы, стал относиться добрее, может, даже подкармливать... Вернувшись в Австрию, отец Андре ушел из мирской жизни и продолжил читать русскую литературу. Резюмировал свой рассказ за бокалом так: «Библия и Достоевский – вот мои интересы». Я думаю, что специалист по Достоевскому не может не любить Россию.

Г.В. Некрасова, Лев Круглый,
И.А. Иловайская

Кроме журналистики Ирина Иловайская
занималась обширной общественной работой

Если иерархи РПЦ считали Ирину Алексеевну агентом влияния Ватикана, то иезуиты в парижском центре св. Георгия с большим интересом и симпатией относились к православию. Отец Рене с гордостью сказал мне: «Я рукоположен в сан и могу служить литургии». При центре был единственный небольшой храм — православный. Я видел, как на праздники отец Рене надевал рясу, ризы, клобук, большой восьмиконечный крест и заходил в церковь. Созывал обитателей центра на ужин шутливым возгласом по-русски: «Православные!» Иногда вместе с ним служил и приезжавший из Москвы настоятель храма Космы и Дамиана Александр Борисов. Но никто никогда не заговаривал со мной на духовные темы, тем более, не сравнивал две ветви христианства. Лишь однажды отец Франсуа сказал о чем-то: «О, это же тайна! У иезуитов сплошные тайны, о-ля-ля».

НАПОСЛЕДОК

Последний раз я видел Ирину Алексеевну в феврале 2000 года в Центре св. апостола Павла на журфаке МГУ. Я был в очень плохом состоянии: с момента моего освобождения из трехмесячного плена чеченских бандитов и работорговцев прошло несколько недель, и я не знал, как и зачем жить дальше. Ирина Алексеевна звонила мне несколько раз домой, звала на встречу и, наконец, вытащила из берлоги, куда я забился, не желая никого видеть и слышать. Даже родственников, признаться, терпел с трудом. Не мог есть, пить, смотреть телевизор или ходить по улицам, а только читал один и тот же томик стихов Лермонтова.

И вот тогда она заговорила со мной о Боге.

Детали нашего разговора вспоминать нет нужды, важнее результат. В «Московских новостях» применили своеобразную терапию для своего корреспондента, попавшего в фатальную передрыгку в служебной командировке, то есть на работе. Терапия заключалась в двухнедельном пребывании в зашарпанном дешевеньком санатории в Подмоскovie и торжественном вручении трехмесячной зарплаты без штрафов (но с аккуратными вычетами по служебному кредиту). Судя по всему, решено было сделать вид, что ничего не случилось, я должен работать как ни в чем ни бывало, а послабления в нагрузке полагались первые несколько месяцев. Забыть собственный расстрел и кандалы в трясущемся под бомбами сарае я обязан был радикально и стремительно, чтобы не заподозрили в спекуляциях.

Ирина Алексеевна считала по-другому. После той долгой беседы мы общались еще пару раз по телефону, а спустя два месяца она скончалась. Я пытался смотреть на мир ее глазами, представлял, как бы она и отцы-иезуиты отнеслись к одной ситуации, другой. Вспоминал их слова, жесты, мимику, мысли, дела. Стал понимать, как и зачем жить дальше. Зерна, посеянные Ириной Алексеевной, проросли. Я уверен, что ее душа находится среди других праведников, и неважно, попав туда через католическое чистилище или по-православному напрямую. **ИБ**